УДК 304.2+304.444

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-83-94

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЪЕДИНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сопов В. В., Ярославцева А. В.

Новосибирский государственный медицинский университет

630091, г. Новосибирск, Красный пр-т, д. 52, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать историческую традицию как один из возможных факторов объединения и развития российского общества.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Задействована общеисторическая и философская методология.

Результаты. Проведённый анализ показал, что историческая традиция (актуальная история) содержит некоторые элементы, пригодные для формирования образа будущего, однако ей нельзя ограничиваться. Историческое прошлое содержит положительные моменты, которые не закреплены в традиции. На них также можно опираться, формируя цели развития. Отстаивается необходимость продолжения исторического творчества, дополнения истории и традиции новациями, адаптирующими общество к современности, её уникальным качественным характеристикам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Исследование теоретически значимо, поскольку выявляет макрокомпоненты отечественной исторической традиции. Обладает практической значимостью, поскольку нельзя творить будущее, игнорируя прошлое.

Ключевые слова: традиция, история, макроистория, историческая коллективная память, историческое творчество, российское общество, образ будущего

HISTORICAL TRADITION AS A FACTOR IN THE INTEGRATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY

V. Sopov, A. Yaroslavtseva

¹Novosibirsk State Medical University

52 Krasny prosp., Novosibirsk 630091, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the historical tradition as one of the possible factors for the integration and development of Russian society.

Methodology. The body of texts is analyzed. General historical and philosophical methodology is used.

Results. Historical tradition (current history) contains some elements that are suitable for shaping the image of the future, but it cannot be limited. The historical past contains positive moments that are not retained in tradition. They can also be relied upon to shape development goals. The need to continue historical creativity, to supplement history and tradition with innovations that adapt society to modernity and its unique qualitative characteristics, is stated to be essential.

Research implications. The new material on the theme of the research is generalized. The study is theoretically significant because it reveals the macro-components of the Russian historical tradition. It is of practical importance, since the future cannot be created ignoring the past.

Keywords: tradition, history, macro-history, historical collective memory, historical creativity, Russian society, type of the future.

Введение

Целью данной работы является исследование исторической традиции как фактора объединения и развития российского общества. Для этого первоначально необходимо определиться, что подразумевается под традицией, что составляет её содержание.

Относительно содержания понятия «традиция»: в буквальном смысле слова это «прежде всего то, что не создано индивидом или не является продуктом его собственного творческого воображения, ... то, что ему не принадлежит, будучи переданным кем-то извне, обычай»¹, унаследованный ныне живущими поколениями из прошлого (живая традиция). Понимаемая в этом смысле, она охватывает собой любое наследие, в т. ч. социально-, политически- и культурно-историческое. Историческую традицию составляют элементы исторического прошлого, которые живы, актуальны в настоящем, в отличие от целокупности прошлого, которое изучает история как наука, независимо от текущего момента этой самой истории.

Нас интересуют те части актуальной истории, которые могут упрочить настоящее положение дел и дать перспективу будущего. Второй смысловой аспект понятия затрагивает отношение традиции к индивидуальному творчеству: несмотря на то, что традиция не создаётся индивидами, она может быть интериоризирована личностью и стать источником творческого вдохновения, переработана личностью и стать материалом для творчества. Индивидуальное творчество строится на базе традиции (не возникает из ничего), обогащает и продолжает традицию.

Понятие «традиция» коннотирует в социально-политическом теоретическом дискурсе с идеологическими постулатами фундаментализма, в социальном и политическом контексте обозначающего стремление вернуть утраченное (вернуться к утраченному). В Российской Федерации наиболее распространённым выражени-

ем социально-политического фундаментализма являются учения, общественные движения, идеологические платформы, допускающие или делающие своей целью курс «назад в СССР» или «назад в Российскую империю», а также консерватизма, ориентированного на сохранение и поддержание исторически сложившегося, «традиционализма».

В работе В. И. Буренко «Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России» отмечается, что «российский консерватизм вырождается в традиционализм, понимаемый по К. Манхейму как превращение «главной ценности консерватизма», – традиции, – «в определяющий, господствующий фактор общественно-политической жизни, установление жесткой функциональной зависимости между повседневностью и прошлым» [3, с. 18]. К элементам, свидетельствующим о «вырождении» консерватизма в «традиционализм», автор относит такие «реанимированные далеко не лучшие образцы исторического прошлого», как: управление государства бюрократией, действующей вне общества и лишённой социального облика; отсутствие эффективной системы ограничения власти, её контроля [3, с. 17]; нарушенный баланс между стабильностью, устойчивостью, с одной стороны, и динамикой, инновациями – с другой [3, с. 18].

Последнее ведёт к отсутствию модернизации, инноваций, исторического политического творчества народа (аннотация: «консервативная политика правящего класса воспроизводит те традиции в политической культуре российского общества, которые способствуют сохранению власти и привилегий этого слоя и тормозят модернизацию политической системы в демократическом направлении»), к превращению традиции, без которой «невозможно нормальное и здоровое развитие общества», – в благоприятном случае наличия и консервативного, и либерального начал, – в «политическую проблему» [3, с. 18].

Важнейшие методологические аспекты применительно к содержанию историче-

¹ Традиция // Википедия [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Традиция> (дата обращения: 28.12.2020).

ской традиции и данному исследованию следующие: сохранить связь времён и способность двигаться в направлении никогда ранее не бывшего – два необходимых начала не только для исторического развития, но и для существования общества и государства. Хотелось бы подчеркнуть сложность определения положительного содержания понятия исторической новизны. Демократия стара, как стар консерватизм. Очень мало есть такого, чего бы не было в истории, а понятие модернизации коррелирует именно с этой малостью, поэтому его трудно определить. Практически всё есть история и традиции, – что делает крайне важным качество традиции (и истории).

Чёрные и белые страницы исторического социокультурного опыта вместе составляют историю и наследие. Утверждать обратное – как утверждать, что опыт нищеты, бесправия, заключения, болезни не оказывает никакого влияния на личность. Верно то, что негативный, травмирующий опыт деградации или пребывания в униженном положении перестаёт осознаваться в качестве такового, начинает восприниматься как норма, формирует культуру, ценности, установки, модели поведения, которые социально наследуются, поддерживаются в качестве традиции. В частности, Ю. Ю. Мигунова называет бедность в качестве причины социального раскола и культурной депривации низших слоев [14, с. 41], Н. Е. Тихонова утверждает, что вследствие обретения опыта бедности материальное положение оказывается объективно решающим и субъективно осознаваемым критерием, определяющим социальный статус [18, с. 13], З. Т. Голенкова – вследствие роста маргинальной группы «новых бедных», расширения границ «поля слёз», в обществе нарастают напряжённость, экстремизм, национализм [6, с. 84], О. И. Шкаратан отмечает привыкание к бедности, включение в культуру бедности [22, с. 17]. Отдельные элементы упомянутой культуры: «бедность запросов и ожиданий, потребностей и моделей выбора» [12, с. 36], «качество жизни и сознания, основанное на постоян-

ном сравнении и неудовлетворенности» [2, с. 3], низкая социальная активность и отчуждающая социальная изоляция [2, с. 5], отсутствие долгосрочного планирования [2, с. 7], ориентации на успех [2, с. 8], приверженность институциональной архаичности [19]. Этот опыт [10] также остаётся в памяти и меняет; делает людей, нации и государства такими, какие они есть.

Поэтому рассмотрение исторической традиции, каковое должно предшествовать исследованию её потенциала в роли объединяющего российское общество фактора, с одной стороны, должно включать в себя как позитивные, так и негативные моменты нашей истории, унаследованные ныне живыми поколениями. При этом особое внимания заслуживают в первую очередь не целокупность составляющих историко-культурного наследия, моментов в прошлом, которые оказывают влияние на современность, но элементы традиции, которые могут оказаться полезными в будущем. Полностью объективной истории и, тем более, исторической традиции, не существует. Авторы, которые в качестве настоящего и будущего не готовы видеть либеральную демократизацию, будут в качестве позитивных моментов истории видеть, например, правление Сталина или Ивана Грозного. Важно найти такие фигуры и такие события, которые будут отвечать образу будущего [7, с. 21–23], перспективной идеологии, выявление значимых черт и характеристик которого является одной из задач нашего поиска.

Политическая традиция России (актуальная политическая история)

В политическом смысле российская традиция – это самодержавие почти повсеместно либо абсолютное, – Великие князья Московские, Пётр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Николай I, Александр III, – либо с элементами либерализма и конституционализма, – Александр I, Александр II, Николай II (думская монархия), – либо, в как XVII веке, – сословно-представительная монархия в виде самодержавия и Земских Соборов, – Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович. Князья

Киевской Руси были ограничены вечем, долгое время существовали Новгородская и Псковская республики, где власть принадлежала народному собранию (вече) вплоть до завоевания Новгорода и Пскова Иваном III.

В советское время укрепилось абсолютное единодержавие Ленина, Сталина, Брежнева, опиравшихся на номенклатуру и партийный аппарат, – официально декларировался демократический централизм, на деле существовал почти абсолютный централизм, элементы демократии в партии в 20-е гг. и отчасти при Хрущёве были выкорчеваны, при Сталине и Брежневе, господствовала идеократия, существовала высокая вертикальная социальная мобильность, но реализуемая бюрократическими, а не демократическими средствами. Официально наличествовала однопартийная система и советская демократия, в которой отсутствовала многопартийность и плюрализм, все демократические свободы были декларированы, но их не было на самом деле, в частности, цензура присутствовала везде, – в культуре, науке, печати.

Россия после 1991 г. представляет собой по форме государственного устройства президентскую республику, типу правового строя – либеральную демократию, однако с возможностью фактической реализации любых политических моделей, включая все перечисленные вплоть до полного самодержавия. Данная возможность в значительной мере обусловлена отсутствием полноценной рецепции системы права [8, с. 9, 18].

Экономическая традиция России

В экономической истории следует отметить сложную, но традиционную для России диалектику отношений собственности и личной, гражданской, политической свободы.

В период с 862 по 1917 гг. преобладала частная собственность на средства производства, с 1917 по 1991 – преимущественно государственная собственность на средства производства. Оба упомянутых вида собственности опирались на общину как

форму социальной организации основной массы населения.

В начале первого периода, во времена образования и расцвета древнерусского государства, удельной Руси до татаро-монгольского нашествия, рабство и холопство были распространены незначительно, собственность на землю (основной ресурс) была преимущественно феодальной, княжеские дружинники и слуги составляли привилегированный слой землевладельцев; работники на земле были организованы в общину и преимущественно лично свободны (люди), обладали гражданскими правами.

Постепенное формирование крупной земельной феодальной собственности двух видов в период монгольского ига и Московской Руси – вотчинной (безусловное держание, полная частная собственность) и поместной (условное держание, за службу), сопряжённое с формированием боярства и помещиков как классов, – привело к утрате общинниками личной свободы на землях частных землевладельцев (права собственности на недвижимое имущество, права свободного распоряжения своими способностями к труду, выбора рода занятий), к приобретению ими статуса «имущества», «прикреплённого» к земле. Впоследствии, в Петербургской Руси, – к окончательному выводу общинников на землях частных землевладельцев из системы права, – в силу отсутствия правового регулирования платежей и повинностей; отсутствия права обжалования решения «хозяина» в независимом органе, инстанции; неограниченных прав «хозяина» в распоряжении жизнью, здоровьем общинника и т. п. Личная свобода, собственность, действие системы права – всё это имело отношение только к государственным крестьянам, которые были лично свободными плательщиками налогов за пользование государственной землей в казну.

В Петербургской Руси, – используем терминологию Б. Н. Чичерина, – завершился процесс закрепощения и начинался процесс раскрепощения сословий [13], выразившийся в наложении правовых ограничений на подневольный труд Павлом I, в прописыва-

нии правового положения отпускаемых на волю крестьян Александром I, реформе 1861 г. Александра II, благодаря которой общинники, пребывавшие в статусе крепостных крестьян, получили свободу (гражданскую правоспособность) и собственность.

Отдельно отметим, что в начале XX в. собственность на основной ресурс (землю) оставалась общинной. В 1906–1917 гг. была предпринята попытка упразднения сельской общины, насаждения частной собственности среди крестьян (хутора и отруба), которую постигла неудача: правом выхода из общины воспользовалось двадцать шесть процентов крестьян, причём три четверти из них «взяли свои участки в собственность против воли односельчан» [5, с. 109].

В период с 1917 по 1991 гг. «общинная», коллективная, кооперативная собственность на землю, иные ресурсы, средства производства и орудия труда была восстановлена, сохранена, стала государственной, частная (личная) собственность минимизируется, ликвидируется повсеместно по мере фактического сворачивания и юридического прекращения новой экономической политики 1920-х гг. Однако, следует заметить, что государственная собственность рассматривалась народом не столько как принадлежащая государству и государственной бюрократии, сколько как общественная собственность, принадлежащая всем людям. Подобно убеждённости крестьян, которых было подавляющее большинство и которые всю историю государства Российского считали, что земля принадлежит им, а у феодалов, иных встречавшихся в истории частных землевладельцев, не должно быть никакой собственности, никакой земли.

Тотальность установленной общинной собственности уже под эгидой государства вновь сочленилась с ограничениями на владение личным имуществом, на право распоряжения способностями к труду, выбора рода занятий.

1991 г. – вторая за столетие серьёзная попытка упразднения «общинной» собственности, следствие – действия по построению правового государства, гражданского

общества, т. е. попытка рецепции системы права. Далее – формирование крупной собственности на средства производства, орудия труда, – и закрепощение, которое следует понимать как лишение прав и свобод, в частности права распоряжаться собственностью, т. е. права собственности, условных общинников (коллективных собственников наподобие собственников помещений в многоквартирных жилых домах без индивидуальных договоров на оказание коммунальных и, тем более, жилищных услуг, или мелких акционеров). «Общинники» пока лично свободны, но уже составляют отдельный от крупных промышленных и земельных собственников класс. Имеются признаки ликвидации действия системы права, прекращения действия политических механизмов вертикальной мобильности... Оставляем открытым вопрос относительно устойчивости цикла обретения и утраты прав и свобод в связи с обращением отношений собственности [16].

Наследуемые элементы идеологии

К идеологической традиции отнесём «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI в.) – проповедь о превосходстве Благодати (ничем не обусловленной милости) над Законом. Закон – оправдывает, Благодать – спасает, спасение важнее правоты (аналогом которой является справедливость), грехи и неправды искупаются милостью. Данная концепция является лучшим вариантом признания малозначимости, бессмысленности правовых институтов и инструментов, – правового нигилизма, неизменной составляющей российской ментальности, которая в наши дни приобрела форму рутинного, повседневно привычного предпочтения «прямых распоряжений администрации» Конституции, если гражданином усматривается противоречие, особенностей правоприменительной практики, отдельных правовых норм.

Присоединим концепцию Москвы – третьего Рима. В Послании князю Василию

инока Филофея представлена идеологема, касающаяся самосознания российской государственности, описываемая концепцией *Renovatio Imperii*, «которая достигла своего апогея между IX и XII вв.»¹, к XVI в. трансформировавшаяся в концепцию *Translatio Imperii*, послужившую основанием для фактического слияния начал царизма и греческого византийского православия в симфоническое единство, обусловившую «подморозку» России с целью сохранить оба эти начала в неприкосновенности: «Тот, кто от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы Божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие возвещают праведность твою ... кто вместо римского и константинопольского владык воссиял, – ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, – так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь»².

Христианская империя имела ещё большее значение, чем империя языческая, «помимо единой императорской власти, уподобляющейся власти Бога, империя имеет ещё ряд черт, делающей её земным образом Царствия Божия. Это относится прежде всего к тому, что в своём идеале это сообщество людей, объединённых идей Православия, то есть правильной веры,

идеей правильного славения Бога, и таким образом преодолевших то разделение на языки, этносы, культуры, которое было следствием греха – попытки человечества самовольно достичь Небес, построив Вавилонскую башню»³, отсюда православный, имеющий своим следствием этнический, универсализм, положительным моментом которого является неприятие национализма, отрицательным, – поскольку подрывает основы государственности при утрате способности руководствоваться религиозными принципами народом, – стремление объединить единоверцев в рамках одного государственного образования, легитимация власти императора, любых установлений империи православием. Пояснение последнего тезиса: поскольку в основу государственного строя были положены не-институализированные этические принципы, – «политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое. Этим создана русская монархия как верховенство национального нравственного идеала, и она много веков вела народ к развитию и преуспеванию, ко всемирной роли, к первой роли среди народов земных – именно на основе такого характера государства»⁴, – утрата способности руководствоваться высокими этическими стандартами в отсутствие системы права, в ситуации, когда религиозное учение традиционно занимало место Конституции, имеет катастрофические последствия.

Идеология Возрождения в целом: достаточно распространено мнение, что важнейшая роль в формировании политико-правовых доктрин современных европейских государств принадлежит идеоло-

¹ Лурье С. В. Историческая этнология. Сюжет 11 *Translatio Imperii* // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/208397> (дата обращения: 28.12.2020).

² Послание великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде [Электронный ресурс] // Послания старца Филофея / подг. текста, пер. и комм. В. В. Колесова. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 28.12.2020).

³ Лурье С. В. Историческая этнология. Сюжет 11 *Translatio Imperii* // ВикиЧтение [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/208397> (дата обращения: 28.12.2020).

⁴ Тихомиров А. А., цит. по: Фомин С. «Царь в Саккосе». К восстановлению Симфонии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=182> (дата обращения: 28.12.2020).

гии Ренессанса, а политические доктрины, в свою очередь, формируют отношение к системам ценностей, существующих в обществе и государстве, побуждают к действию все политические силы, институализируются в праве [18]. Отмечается разница в идеологических трендах Ренессанса в Европе и Византии, которая оказалась существенной для России: вместо европейского возрождения языческой религиозности – возвращение к этическим принципам раннего христианства (православный фундаментализм); вместо строительства новой культуры, нравственности – акцент на сохранении идеологических основ христианского мира. Взамен стремления к светскому, республиканскому, демократическому управлению – новое обоснование государственного единства священства и царства, в котором только и может быть реализован один из ключевых принципов церковного права – соборность мнения (исключающий разнообразие позиций по любому вопросу); соблюдена Божественная воля, установившая для людей монархическую форму правления, в которой властитель выступает гарантом нравственности (включая «правильномыслие») доверенных ему людей, а не права.

За экономическим успехом, способам хозяйствования модерна также стояла определённая идеология, дух, мировоззрение, этика, носителями которых принято считать представителей новых религиозных течений, сложившихся в эпоху Возрождения. Аналогом протестантизма в России в указанном отношении могло бы выступить старообрядчество. А. И. Тюленев называет такие черты сходства, как полиструктурность, интеллектуальная свобода в религиозных вопросах, индивидуальный духовно-религиозный поиск, возврат к истокам, отвержение средневековых религиозных новаций по соображениям здравого смысла, реформа церковного устройства в направлении установления демократических институтов, сопряжённого с противопоставлением религиозной общины государству и слившейся с государством церкви; обращает

внимание на то, что предпринимательству старообрядцев в России также сопутствовал успех [20]. Поскольку ценности старообрядцев не стали социальными ценностями российского общества, отнесём их систему к тому классу идеологий, которые были представлены в истории, но не получили полномасштабной реализации.

Все виды современных идеологий были представлены в истории России: анархизм, коммунизм, социализм, консерватизм, либерализм, национализм, – кроме, пожалуй, пацифизма, а реализованы – не все. Воплощены социалистические, коммунистические идеи, в политическом поле продвигавшиеся революционными демократами, социал-демократами, большевиками, меньшевиками, эсерами. Достаточно сильна традиция консерватизма, в дореволюционной России преобладающая в государственной политике, в постсоветский период институализированная в многочисленных общественных движениях и объединениях – евразийстве, возрождённом казачестве, современном монархизме, таких политических партиях, как «Партия российского единства и согласия» «Родина», «Партия Роста», а также КПРФ, «Единая Россия» [4].

Появление первых отечественных либеральных доктрин относится к XIX в., в начале XX в. либерализм в России приобрёл «практический» характер (свойства объединяющей и действующей силы) [12, с. 311]. Либерализм в СССР был представлен диссидентским правозащитным движением, в постсоветский период – проведением экономических либеральных реформ и попыткой предоставить населению равные гражданские права и свободы, ввести в действие систему права. Но он по-прежнему остаётся идеологией «второго плана», «подвергающейся ожесточенной критике» [11, с. 1053; 9].

Заключение

В основе будущего лежит творчески переработанная история. Единственное основание для будущего, – движущая сила

истории – творчество. Если традицию не иметь в виду – она возобладает; в некоторых случаях традиционное будет восприниматься как нечто новое. Прошлое и традиция обладают высокой степенью инерции, так что будущее и настоящее до некоторой степени зависят от прошлого. Влияние прошлого на будущее вместе с тем не стоит переоценивать. В каждый момент времени история открыта для творчества будущего, и как традиция предполагает новацию, так и новация предполагает традицию. В традиции всегда есть элементы, на которые может опереться будущее творчество, и отбрасывать их за ненадобностью – значит столкнуться с ними всё равно, но уже потеряв всякий сознательный контроль над ними.

Содержит ли традиция дающие перспективу, обеспечивающие будущее элементы, или компоненты, лишаящие Россию надежд?

Годные для будущего элементы в политическом смысле – Новгородская и Псковская республики и опыт первых веков Киевской Руси, когда власть князя ограничивалась народным вече, опыт думской монархии после Манифеста 17 октября 1905 г., краткий опыт Временного правительства, свободный республиканский строй после выборов съезда народных депутатов в СССР в 1989 году и выборов в Госдуму в 1993 г., в экономическом – и частная, и государственная собственность, и кооперативная собственность на средства производства, равноправие всех форм собственности при царе; в идеологическом – представленность практических всех видов идеологий, начиная с начала XIX в. вплоть до октября 1917 и после 1987 гг., дающая свободу, способность ориентироваться на высокие этические стандарты в государственном строительстве.

Достаточно ли существующей традиции для формирования дееспособной, эффективной идеологии, политической программы, или для этого необходимо опереться на те части российской истории, которые не стали частью исторической (политической, экономической, идеологической) традиции?

Разумеется, нет, потому что многие положительные моменты, с которыми столкнулась Россия в прошлом, не составляют актуальной истории (традиции), которая могла бы упрочить настоящее положение дел и дать перспективу будущему. В частности, это общие смыслы (ценности), транслируемые великой русской литературой и искусством, как вера в народ, в такие черты народного характера, как открытость, правдивость, мужество, щедрость, гостеприимство; любовь к Родине, вера в индивидуальный, коллективный, национальный успех, социальная справедливость (справедливый суд, равенство всех перед законом, правдивое слово, равенство возможностей, справедливое распределение материальных благ), свобода и неприкосновенность личности (невмешательство государства в частную жизнь граждан), социальное государство (помощь бедным и обидимым), права человека и гражданина, свобода совести (веротерпимость), социальные и культурные права.

Должно ли прекратиться историческое творчество?

Конечно, нет, хотя мало есть такого, чего бы не было в истории человечества, и понятие модернизации коррелирует именно с этой малостью, поэтому его трудно определить в общем случае, но кое-что для России можно определить сейчас, потому что история России не столь обширна, как история человечества, и текущая ситуация достаточно уникальна очевидностью общемировых трендов развития.

Один из них обусловлен вызванным духовно-нравственной пустотой и чрезмерной коммерциализацией систем ориентации человечества загрязнением, утратой окружающей среды. Имеется в виду тренд на сохранение, сбережение, восстановление окружающей среды, «зелёный курс», «зелёное восстановление» экономики; тенденция к представлению природы как субъекта. Следование названной тенденции требует «экоцентричности», – систем морали и нравственности, которые допускают «идеал гармонии общества и природы, партнерских отношений человека и

природной среды» [16, с. 75], интеграции сепаратных (отдельных, частных) прав в права биосферы в обществах, где укоренилась система права.

Подосновой экономических, юридических, политических движений в данном случае является переход от антропоцентрических моделей мировоззрения (а также философии, идеологии) к биоцентрическому [11; 23], что актуализирует не только экологические общественные движения и государственную политику, но и традиционные религии, системы ценностей которых допускают заботу об окружающей среде, нечеловеческих видах сущего, почти все виды философии – поскольку необходима выработка новых систем ценностей, некоторые виды культуры, наподобие чаньского искусства или европейского Ренессанса, которых не было в истории России и, соответственно, нет в традиции.

Что в этих условиях может помочь объединению и развитию русского общества?

То, что может быть реализовано и получить народную поддержку именно потому, что является традиционным и дополненными тем актуальным, которое будет инновационным для нашего общества, но от этого не менее необходимым – ведь речь идёт о будущем и о политике, которая является важной частью исторического творчества народа. Потому что в будущее нельзя шагнуть, прекратив писать историю, перестав быть историческим народом; инновации могут быть включёнными в традицию элементами истории, которые до этого в неё (традицию) не входили.

«Консерватизм» может и должен быть дополнен условным «либерализмом». В том числе по причине застоя в экономике, экономического тупика. Поскольку научно-технический прогресс и прогресс в целом позволяет преодолевать застойные явления, выходить из тупиков и именно условный «либерализм» «ответственен» за прогресс (изменения и развитие) – в политическом пространстве актуальны либеральный консерватизм, умеренный консерватизм, вообще республиканизм, конституционные демократы, коммунизм,

социализм, политическая свобода; в экономическом – умеренный протекционизм, умеренное вмешательство государства в экономику с целью стимуляции экономического роста, повышения конкурентоспособности российских предприятий и товаров (востребованы С. Ю. Витте и экономическая практика и теория конца XIX – начала XX вв., частично советский опыт плановой экономики и стимуляции научно-технического прогресса).

Человек может и должен быть возвышен, превращён в материально обеспеченную, свободную, творческую, экономически, культурно и социально активную личность, ответственную перед будущими поколениями.

Общество может быть справедливым, допускать и государственную, и частную, и кооперативную собственность на средства производства, свободный рынок (государственные предприятия на хозрасчёте и самоокупаемости, т. е. свободные агенты рынка), демократию, многопартийность, правовое государство, независимый суд, политические права и свободы личности, веротерпимость, социальные, экономические и культурные права человека, бесплатное образование и здравоохранение, свободу печати, цензуру лжи, широкую государственную и частную благотворительность, государственную поддержку культуры и науки, поощрение социальной и культурной активности граждан (некоммерческие организации), ограничения в зарплате госслужащих («слуг народных»); допустимость богатства, но в ограниченных размерах (налог на роскошь, прогрессивный налог), недопустимость бедности и нищеты, уничтожение безработицы (право на труд), поддержка традиционных (семья, мир, труд, миролюбивая внешняя политика, национальная самобытность) и нетрадиционных, но особенно важных в текущий момент, ценностей: охрана природы, здоровая окружающая среда, обеспеченность экосистемными услугами – и идея, принцип, ценность международной кооперации, сотрудничества в этой сфере – потому

что нельзя сохранить *планету* пригодной для жизни в рамках *отдельного локуса*.

Путь к объединению и развитию российского общества лежит через взаимодействие и сотрудничество двух начал: условного «консерватизма» и «традиционализма» с условным «либерализмом». Первое обуславливает устойчивость социальной системы, второе – её творческое

преобразование. В результате мы получаем устойчивое развитие, о котором много написано, но идеологический источник которого не все понимают или принимают. Тем не менее, именно на этом пути можно достигнуть хоть какого-то прогресса и найти выход из возможных тупиков и проблем.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асонов Н. В. Становление и реализация ведущих политических доктрин Московской Руси // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 259–268.
2. Беглова Е. И. Социокультурные особенности феномена бедности в России // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17). С. 4.
3. Буренко В. И. Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России // Вестник университета (ГУУ). 2014. № 7. С. 17–20.
4. Вититнев С. Ф. Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 227–240.
5. Володин В. М. Уроки столыпинской аграрной реформы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 107–116.
6. Голенкова З. Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 77–84.
7. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.
8. Иноземцев В. Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 177 с.
9. Казбан Е. П., Степанова С. С. Либерализм в ценностной системе российского общества // PolitBook. 2019. № 1. С. 181–194.
10. Кодола В. Г. Социально-историческая категория «опыт» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 2. С. 100–108.
11. Крайнов А. Л. Биоцентризм как модель экологического развития общества: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 2. С. 129–133.
12. Красильникова М. Д. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1 (107). С. 36–50.
13. Лобеева В. М. Универсальные характеристики и национальные особенности бытия сословий: концепция Б. Н. Чичерина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 3–11.
14. Мигунова Ю. Ю. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 1. С. 40–44.
15. Пархоменко Р. Н. Дискуссии о либерализме в современной России // Политика и Общество. 2013. № 8. С. 1052–1063.
16. Повилайтис А. В. Проблема итеративности и цикличности исторического процесса: социально-философский анализ // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 168–174.
17. Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФРАН, 1994. 312 с.
18. Тихонова Н. Е. Социальная структура российского общества. Итоги 8 лет реформ // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 5–15.
19. Трипольский Р. И. Очередной сон Веры Павловны. (Из этюдной тетради по отечественной макростории) // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 128–131.

20. Тюленев А. И. Протестантско-старообрядческая мораль как условие развития рационального предпринимательства // Омский научный вестник. 2010. № 5 (91). С. 74–77.
21. Фалько В. И., Лукманов Р. Р. Проблема прав и субъектности природы // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 75–83.
22. Шкаратан О. И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 14–37.
23. Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С. Очерки биосферологии. О гармонизации взаимоотношений человека и биосферы // Философия и космология. 2017. Т. 18. С. 52–83.

REFERENCES

1. Asonov N. V. [Formation and implementation of the leading political doctrines of Moscow Russia]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2009, no. 2, pp. 259–268.
2. Beglova E. I. [Sociocultural features of the phenomenon of poverty in Russia]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary research on social problems], 2012, no. 9 (17), pp. 4.
3. Burenko V. I. [Conservatism and traditionalism in the political process of modern Russia]. In: *Vestnik universiteta (Gosudarstvennogo universiteta upravleniya)* [University Bulletin (State University of Management)], 2014, no. 7, pp. 17–20.
4. Vititnev S. F. [Modern Russian conservatism and the political process]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science], 2017, no. 5, pp. 227–240.
5. Volodin V. M. [Lessons from the Stolypin agrarian reform]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. Povolzhsky region. Social Sciences], 2012, no. 2, pp. 107–116.
6. Golenkova Z. T. [Dynamics of socio-structural transformation in Russia]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1998, no. 10, pp. 77–84.
7. Zheltikova I. V. [Future studies and the place in them of the concept “image of the future”]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2020, no. 2, pp. 15–32.
8. Inozemtsev V. L. *Nesovremennaya strana. Rossiya v mire XXI veka* [Not a modern country. Russia in the world of the XXI century]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2018. 177 p.
9. Kazban E. P., Stepanova S. S. [Liberalism in the value system of Russian society]. In: *PolitBook*, 2019, no. 1, pp. 181–194.
10. Kodola V. G. [Socio-historical category “experience”]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2020, vol. 12, no. 2, pp. 100–108.
11. Krainov A. L. [Biocentrism as a model of the ecological development of society: socio-philosophical analysis]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 129–133.
12. Krasil'nikov M. D. [A culture of poverty. Post-Soviet commentary on Veblen]. In: *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Public Opinion Bulletin. Data. Analysis. Discussions], 2011, no. 1 (107), pp. 36–50.
13. Lobeeva V. M. [Universal characteristics and national characteristics of the existence of estates: the concept of B. N. Chicherin]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences], 2009, no. 4, pp. 3–11.
14. Migunova Yu. Yu. [Social structure of Russian society: state and problems of theoretical development]. In: *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maykop State Technological University], 2010, no. 1, pp. 40–44.
15. Parkhomenko R. N. [Discussions about liberalism in modern Russia]. In: *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2013, no. 8, pp. 1052–1063.
16. Povilaitis A. V. [The problem of iteration and cyclicity of the historical process: socio-philosophical analysis]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2020. vol. 13, no. 11, pp. 168–174.
17. Prilensky V. I. *Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannikh russkikh liberalov* [The experience of researching the worldview of early Russian liberals]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994. 312 p.
18. Tikhonova N. E. [The social structure of Russian society. Results of 8 years of reforms]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2000, no. 3, pp. 5–15..

19. Tripol'sky R. I. [Another dream of Vera Pavlovna. (From a sketchbook on Russian macrohistory)]. In: *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Trudy' Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Murmansk State Technical University. Proceedings of Murmansk State Technical University], 2012, no. 1, pp. 128–131.
20. Tyulenev A. I. [Protestant-Old Believer morality as a condition for the development of rational entrepreneurship]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2010, no. 5(91), pp. 74–77.
21. Fa'ko V. I., Lukmanov R. R. [The problem of the rights and subjectivity of nature]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoj vestnik* [Bulletin of Moscow State University of Forestry – Lesnoj Bulletin], 2015, no. 4, pp. 75–83.
22. Shkaratan O. I. [Reproduction of socio-economic inequality in the post-Soviet Russia: dynamics of living standards and the position of the social lower classes]. In: *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology], 2012, no. 3, pp. 14–37.
23. Yablokov A. V., Levchenko V. F., Kerzhentsev A. S. [Essays on biospherology. On the harmonization of relationships between man and the biosphere]. In: *Filosofiya i kosmologiya* [Philosophy and Cosmology], 2017, vol. 18, pp. 52–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сопов Владимир Валентинович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медицинского права Новосибирского государственного медицинского университета;
e-mail: vla-sopov@yandex.ru

Ярославцева Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного медицинского университета;
e-mail: almarlis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Sopov – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of medical law, Novosibirsk State Medical University;
e-mail: vla-sopov@yandex.ru

Anna V. Yaroslavl'tseva – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of philosophy, Novosibirsk State Medical University;
e-mail: almarlis@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сопов В. В., Ярославцева А. В. Историческая традиция как фактор объединения и развития российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-83-94

FOR CITATION

Sopov V. V., Yaroslavl'tseva A. V. Historical Tradition as a Factor in the Integration and Development of the Russian Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no 1. pp. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-83-94